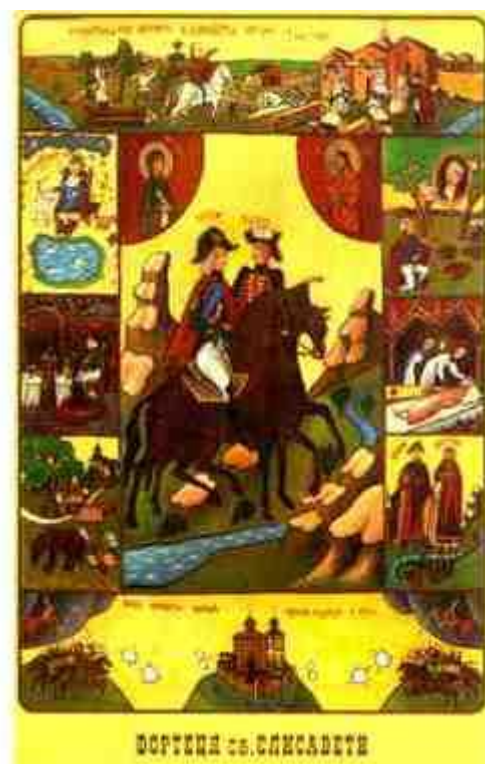

Памяти Анатолия Величковского.

Это было - где-то,
Далеко от Сены:
Солнце пахло - летом,
Ветерок - сиренью.
Было на параде,
Под апрельским небом
В Елисаветграде,
На плацу учебном:
Светлых шашек гребень
Лошади, знамена:
Слушали молебен -
Оба эскадрона -
О христоробивом
Воинстве имперском
И святым порывом -
Отзывалось сердце.
Грянула музыка...
С нею юнкера
Во имя - Великой -
Грянули - ура!
Отзвучали гимны
Отзвенел парад -
И не стало имени:
Елисаветград.
На песке - сердечки:
Конские следы...
И уходят в вечность
Конские ряды.
Ясно и дождливо
Будет - как всегда,
А христоробивых,
Воинств - никогда!

Лет шесть или семь радовали меня прилетавшие из Булони в Рио де Жанейро письма прекрасного русского поэта Анатолия Евгеньевича Величковского. Писал он мне и о житейских мелочах, но больше и охотнее всего о русской поэзии. Переписка наша завязалась уже после того, как я побывал в Париже в октябре 1973-го года: лично мы так и не встретились. До самого последнего времени я знал Анатолия Величковского как поэта тютчевской линии, как противника всепожирающего прогресса, как человека, причастного мирам иным, неверующего, но плачущего сердцем о своем неверии.

Сборника его стихотворений "Лицом к лицу" (1952) я никогда не видел. По-настоящему узнал его внутренний мир по его второй книге "С бору по сосенке" (1974), о которой тогда же написал довольно обстоятельный отзыв (Напечатан в "Новом Журнале"). Ту же

тематику разрабатывал поэт и в последнем своем сборнике "О постороннем" (1979), мой отзыв о котором в печати не появился. Еще раньше, в самом начале нашей эпистолярной дружбы, писал я о его повести "Богатый" (1972) - вопле в защиту истребляемых ненавистным прогрессом безответных животных. Тема эта - "зверолобие" - образовала прочный мост между Францией и Бразилией.

Милый, умный, тонкий русский поэт умер 2-го января 1981 года. Только теперь получил я от спутницы его жизни, писательницы Нины Ровской, краткое жизнеописание поэта.

Родился Анатолий Евгеньевич Величковский 1/14 декабря 1901-го года в Варшаве. Детство и юность провел в Елисаветграде (ныне - Кировоград, УКРАИНА), а на лето уезжал в имение родителей. Именно в эти годы сложилась в нем ласковая, бережливая любовь к природе: лошади и собаки стали для него как бы членами семьи, но не только домашние животные, а и те, которые приручению не поддаются и прозываются дикими, вошли в расширенный круг его любовного внимания.

Восемнадцатилетним, А. Е. Величковский вступил в Белую армию, затем оказался в Польше, где управлял имением одной польской графини и снова наслаждался тесным общением с природой.

Следующим - и последним - этапом его жизни стала Франция, где поэт сначала был рабочим на металлургическом заводе на севере страны, а затем ночным шофером (в зимнем холоде, без теплой одежды, без сна).

Первые стихи его были напечатаны в Сборнике Объединения Молодых Деятелей Науки и Искусства в Париже (год неизвестен), затем в "Эстафете" (1948 год). Это был большой успех: Величковского заметили Бунин, Адамович, Маковский. С тех пор его стихи и рассказы печатались постоянно в журнале "Возрождение", в "Новом Журнале", в газетах. По объему самый крупный его рассказ - "Отщепенец" (в "Русской Мысли"). К собственному литературному архиву Величковский относился крайне небрежно: не только журналов со своими стихами и рассказами не хранил, но успел забыть и их названия!

"Ключ к его стихам,- цитирует Н. Ровская, - отчаяние. Оно и сделало меня поэтом. Отчаяние - потеря родины, гибель старой России, гибель природы в наш технический век - природы, которой он молился и которую обожествлял. Он поэт-язычник, если хотите. В каждом её проявлении для него тень Бога: например, в дожде он видит одежду Творца, к которой благоговейно прикасается губами... Для него величайшая трагедия - разрушение человечеством нерукотворной, то есть созданной Высшим Созидателем природы; отсюда и его ненависть ко всему неодушевленному, что создают люди якобы для своего блага, но в то же время, в конечном счете, для собственной гибели: гибель природы закончится и гибелью человека. Машина - по его убеждению - от дьявола".

Несравненно просто подводит поэт итоги собственной жизни и творчеству:

"Всю жизнь свою витаю в облаках
И существую на земле при этом:
Перед земным существованием страх
Меня заставил сделаться поэтом.
И я живу, живу поверх всего,
Поверх себя, поверх незримой крыши,
Поверх отчаяния моего -
Меня ведет отчаяния свыше".

Валерий Перелешин.
1981

ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.Е.ВЕЛИЧКОВСКОГО

Книги

- Величковский А. Богатый. - Париж: Б. и., 1972, (Р. I. U. F.). - 210 с. (Сатирический роман).
- Величковский А. С бору по сосенке: Сборник стихов. - Париж: "Альбатрос", 1974.
- Величковский А. О постороннем: Сборник стихов. - Париж: "Альбатрос", 1979.
- Величковский А. Нерукотворный свет. Стихи/ Предисловие Ю. П. Иваска; Послесловие Р. Ю. Герра; Обложка С. Л. Голлербаха. - Париж: Альбатрос, 1981 (Р. I. U. F.). - 48 с.: ил. - Список книг автора: с.4. - 200 экз.

Журнальные публикации

Проза

- Величковский А. В поезде. Ярмарка: Рассказы. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1953, кн.35, с.53-58.
- Величковский А. Старики: Рассказ. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1955, кн.40, с.50-70.
- Величковский А. Неудачный день: Рассказ. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1967, кн.86, с.23-29.
- Величковский А. Дар Победы: Рассказ. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1981, кн.144, с.44-55. - Нью Йорк, 1958, кн.52, с.40-42.
- Величковский А. "Все тот же мировой экран...": Стихотворение. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1958, кн.53, с.79.
- Величковский А. "Что-нибудь, конечно, это значит...", Пусть выиграш в карты невежда всецело...", "Луч из тумана выступая...", "О, как несносен мне на свете...": Стихотворения. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1958, кн.54, с.61-62.
- Величковский А. "Пушком тумана абрикосным...", "На темных, на лиловых сливах...", "Затишье было: жаркий день пылал...": Стихотворения. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1958, кн.55, с.49,56, 129.

1959

- Величковский А. "Жмурки", "Путаница", "Куда ни ступит человек...", "Мой брат серьезно уверял...", "Когда к дождю...", "Опять машина грузовая...": Стихотворения. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1959, кн.57, с.82-84.

1960

- Величковский А. Шесть стихотворений. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1960, кн.61, с.22-24.

1965

- Величковский А. "Дует ветер в предвесенней роще...", "Перед картиной", "Старое": Стихотворения. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1965, кн.79, с.96-97.

1968

- Величковский А. "Гроза", "Приходит к мертвым деревьям весна...", "Не знаю - как мне быть с подарком...": Стихотворения. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1968, кн.90, с.58-59.
- Величковский А. "Храня земное зренье...", "Своим сияющим теплом...", "Над садом блещут небеса...", "Неужели, неужели...": Стихотворения. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1968, кн.92, с.133-134.

1969

- Величковский А. "Это было где-то..." (О Елисаветграде), "Мечта": Стихотворения. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1969, кн.96, с.99-100.

1970

- Величковский А. "Утро": Стихотворение. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1970, кн.100, с.181.

1972

- Величковский А. "Воспоминание": Стихотворение. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1972, кн.106, с.145-146.
- Величковский А. "Памяти брата Алексея": Стихотворение. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1972, кн.109, с.149.

1973

- Величковский А. "Я начал верить от безверия...", "Читатель, друг, не осуди!": Стихотворения. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1973, кн.112, с.148.

1975

- Величковский А. "Пепел лучше города Содома...", "На соседних крышах черепичных...": Стихотворения. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1975, кн.119, с.108.
- Величковский А. "Беда случилась: не заметил я...": Стихотворение. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1975, кн.120, с.77.
- Величковский А. "Не нужно душе мешать...", "Сквозь тучи рвется солнце брызнуть...", "Здесь в Дроздове - я стихи пишу": Стихотворения. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1975, кн.121, с.81.

1976

- Величковский А. "Я силюсь передать бумаге...": Стихотворение. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1976, кн.122, с.77.
- Величковский А. "Когда все листья опадают...", "О, нежные младенцы, дети...": Стихотворения. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1976, кн.123, с.97.
- Величковский А. "Я люблю...", "Вижу ручеек прозрачный...": Стихотворения. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1976, кн.125, с.44.

1977

- Величковский А. О Лермонтове: Стихотворение. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1977, кн.127, с.58.

1978

- Величковский А. "В разлитом зареве огней...": Стихотворение. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1978, кн.131, с.116.
- Величковский А. "Мне тайна знаки подает...", "В моем окне рассвет осенний...": Стихотворения. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1978, кн.132, с.105.

1979

- Величковский А. "Пробуждение": Стихотворение. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1979, кн.134, с.146.
- Величковский А. "Создатель мрака - дождик скучный...", "Тень капель на мои тетради...": Стихотворения. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1979, кн.135, с.30.
- Величковский А. "Ветер". "Звон": Стихотворения. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1979, кн.136, с.41.
- Величковский А. "Шансоньер": Стихотворение. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1979, кн.137, с.10-12.
- Величковский А. "Я собака": Стихотворение. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1979, кн.138, с.65.

1980

- Величковский А. "Ночью", "Ты мне свободно позволяешь...": Стихотворения. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1980, кн.139, с.46, 104.
- Величковский А. "Подросток девочка промчалась...": Стихотворение. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1980, кн.140, с.90.
- Величковский А. "Море утром". "Сыч": Стихотворения. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1980, кн.141, с.117.

1981

- Величковский А. "Моей России больше нет...", "Я вижу мокрую крышу...": Стихотворения. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1981, кн.145, с.29.

1982

- Величковский А. Предсмертное стихотворение. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1982, кн.147, с.66-67.

ПУБЛИКАЦИИ о ТВОРЧЕСТВЕ и ЖИЗНИ ПОЭТА

- Таубер Е. Рецензия. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1975, кн. 119, с. 299-300. (Рец. на кн. Величковского А. "С бору по сосенке". - Париж, 1974).
- Перелешин В. Памяти Анатолия Величковского. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1981, кн.144, с.140-142.
- Фесенко Т. А. Е. Величковский. //Новый Журнал. - Нью Йорк, 1982, кн. 147, с.58-65.#

А.Е.ВЕЛИЧКОВСКИЙ

После своего участия в составленном мной сборнике "Содружество; из поэзии Русского Зарубежья", Анатолий Евгеньевич Величковский стал одним из моих дружественных корреспондентов. Теперь, когда его уже нет, а на мой стол легла строго оформленная художником С. Л. Голлербахом книга его последних стихотворений, тщательно собранных другом поэта проф. Р. Ю. Герра, мне хочется добавить к тому, что сказано в его стихах, и то, что сказано им в письмах, в большинстве своем посвященных его возлюбленной теме - осуждению техники и восхвалению природы.

Противопоставление благородного коня бездушному автомобилю явилось основой сатирического романа А. Величковского "Богатый" (Париж, 1972). Прочтя его, я благодарная автомобилю не только за то, что он облегчает наш быт, но и за то, что с его помощью мы открываем для себя красоты Америки, взяла автомобиль под защиту. Этот наш спор вызвал ряд писем Анатолия Евгеньевича, еще более полно (чем его стихи) раскрывающих мирозерцание этого необычного человека. 23 сентября 1973г. он писал мне:

"Дорогая Татьяна Павловна!
 Спасибо за ответ и добрую критику моей книги. Насчет моей ненависти к автомобилю, я с Вами согласен, что эта машина очень бывает полезна, но с той точки зрения, с которой я написал книгу, иначе быть не могло. В линии моих чувств и предчувствий автомобиль стоит в ряду главных соблазнов и является одним из тех "лжечудес", которые отнимают у людей веру в Бога. Это один из помощников, главных, человечества отойти в мире сем от мира иного. Вот за что я этой штуки не люблю, хотя долгое время она меня кормила, т. к. я был шофером такси. С глубокой признательностью, преданный Вам А. Величковский".

Думается, что нелегкий жизненный путь Анатолия Евгеньевича в значительной степени предопределил его страстную любовь к природе, неустанно воспеваемой им в стихах, и его не менее страстную ненависть к технике, его глубокое убеждение, что всюду "царствует тлетворный дух руками созданного мира". Выросший в имении на Украине, с шестнадцати лет он уже в строю - сначала в отряде, организованном его отцом, преподавателем юнкерского училища в Елисаветграде, затем - в Белой армии. Во время отступления походным порядком он попадает с армией Бредова в Польшу.

Детство, проведенное на лоне природы и близкое знакомство с условиями деревенской жизни, боевая юность и походы, связанные с привязанностью к своему коню, усилили любовь Величковского к природе. Переезд же во Францию, тяжелый труд чернорабочего на сталелитейном заводе, изнурительная работа ночного шофера на улицах Лиона, видимо, углубили отталкивание от техники и автомобиля, так ярко проявившееся в его книгах. И в последнем сборнике немало блестящих картин природы, которые поэт, заявляющий: "Люблю живую красоту / Букашек, птиц, зверей, растенья", живописует с наслаждением и гневно восклицает:

Куда ни глянь - автомобиль
Уже торчит. О будь ты проклят!

В своем интересном послесловии к изданному им посмертному сборнику поэта проф.Р.Ю.Герра отмечает, что "А.Величковского можно назвать поэтом-экологом, первым поднявшим свой голос в защиту природы". Проф.Герра имеет в виду поэтов Русского Зарубежья, и эту оценку подтверждает своеобразное объяснение, приведенное в нижеследующем письме, почему для своего сборника поэт выбрал, казалось бы, несколько насмешливое название "С бору по сосенке".

22.IV.75.

"Дорогая Татьяна Павловна.

Большое спасибо Вам за доброе письмо, за фотографию и вообще за милое отношение ко мне. Очень тронут и признателен Вам. Поздравляю Вас и всю Вашу семью с Пасхой и со всеми вами заочно христосуюсь. Христос Воскресе, дорогие друзья!

Жаль, Татьяна Павловна, что Вы не издали своего сборника! Ваши стихи, которые мне попадались, мне всегда очень нравились. Да жаль, но может быть Вы не хотите издавать сборник? Оно, конечно, и хлопотно и в нашем эмигрантском положении, пожалуй, даже не так уж для автора интересно. Без отзвука, без читателей, без малейшей надежды, что книга понравится и разойдется, трудно себя заставить пуститься в эту аферу во всех отношениях мало интересную. Интересно, что даже сами поэты, за редким исключением, совершенно равнодушны к издаваемым их коллегами стихам.

Сам бы я не решился издавать сборника, но, к сожалению, поддался уговорам и советам немногочисленных моих друзей. И деньги мне дали. Так что экономически я не в убытке. Еще интересно, хочется мне Вам сказать по секрету, не понимают, почему я назвал сборн.

"С бору по сосенке". Это не к стихам относится заглавие, а к тому несчастью, что бумага делается из сосен. И на это (т. к. теперь идет невероятное количество бумаги) уничтожаются леса. В моем сборнике каждая страница может быть из сосенки... Вот и с бору по сосенке.

Крепко жму Вам руку, сердечный привет Вашей матушке и супругу.

Ваш А. Величковский".

Когда я получила книгу этих "сосенок", я отозвалась на нее (Новое Русское Слово, 11 мая 1975), подчеркнув, что Величковский ненавидит всё механическое, загрязняющее землю, воздух, воду, и считает чуть ли не наибольшим злом автомобиль:

Есть штамп фабричного металла,
Есть марка, больше ничего.
А прежде нас сопровождало,
Как мы, живое существо...

На эту мою статью Анатолий Евгеньевич отозвался так:

4/VI.75

"Дорогая Татьяна Павловна.

Спасибо Вам за статью, которая мне очень понравилась. С нетерпением жду Вашего сборника стихов. У нас тут стало совсем пусто. На вечере поэзии, где я выступал вместе с Одоевцевой, Тамарой Величковской (это жена моего покойного брата) и Таубер, было ровно три старичка. В Америке все ж, я думаю, еще осталось больше русских, интересующихся поэзией.

Привет всем Вашим. Желаю Вам здоровья и успеха.

Ваш А. Величковский".

Два следующих письма, написанных с силой и горечью, почти полностью посвящены этой же теме:

"Милая и дорогая Татьяна Павловна.

Хорошо иметь таких друзей, как Ваша тройка. Хоть и за морями, за горами, за дремучими лесами Вы находитесь, а чувствуется плечо... У нас тоже тройка: жена, я и Жучка. Никто у нас не бывает и мы нигде не бываем. [С Вами] единственное расхождение - "автомобиль", это чепуха. Но хочу уверить Вас, что не будь автомобиля, это далеко не конец всяким передвижениям. Правда, медленнее в сто раз, но зато основательнее были путешествия наших предков. Так что обходились бы отлично и не пели бы моторы на каждом шагу свое обычное "Велл зе вуул". А ржали бы кони, ритмично выбивая копытом дорогу, стонали бы и плевались верблюды, а то и волы медленно переваливались [бы] с боку на бок, везли бы телегу и на ней лежал бы я под солнцем украинского неба и пел бы спокойно песню и мог бы сочинять стихи и мог бы любоваться действительно каждым уголком и изучать каждый василек в жите. Что толку в километрах мелькающих? Разве успевают войти в душу то, что мелькает? Поверхность, внешность в глаза бросается, но в глубь природы не войти с автомобилем. Можно конечно пикник сделать, но разве это то?

Конечно, проклятие наше приходится нести и даже думать, что оно очень хорошая и удобная вещь...

Спасибо за поздравление. Мы с женой также поздравляем Вас с праздниками и желаем всех благ земных.

Антонина, Анатолий и Жучка, Париж 8/XII.75"

[Без даты. Начало 1976]

"Милая Татьяна Павловна.

Что нам спорить из-за автомобиля! Мне очень хорошо известны все качества машины, я понимаю, что она доставила Вам много удовольствия и радости, когда вы, воодушевленные каникулами, катили на мягких шинах по зеркально гладкому шоссе. И скорость мелькавших мимо деревьев, полей, рек, лесов давала Вам приятное ощущение и располагала Вас к дружелюбию и благодарности этому замечательному предмету, который Вас так прекрасно везет туда, куда Вам хочется. Но представьте себе, что вместо этой жестяной коробочки у вас в сарайчике стоял бы какой-нибудь Васька или Машка. Что если бы он встречал Вас с радостью и Вы ему протягивали бы на ладони кусочек сахара и он брал бы его бархатными губами, согревая Вашу руку теплым дыханьем, запахом сена и хрумкал бы потом, подняв голову и жмурясь от блаженства. Что если бы Вы его, скажем, запрягли в красивый кабриолет, забрали с собой провизию и поехали бы по мягкой дороге с быстротой 10, 12 километров в час. Ваши уши были бы открыты для всего того чудесного шума, который делается на земле певчими птицами, Ваши глаза видели бы, медленно проплывающие мимо чудесные виды природы. Вы дышали бы ароматами земли, вод, озер, рек. Вы видели бы, как ваш Васька вас старательно везет, трудится для вас, потеет. В прекрасном месте Вы выпрягли [бы] его, пустили [бы] пастись, и он питался бы и отдыхал, а вам не нужно было бы думать, дадут ли арабы нефть или не дадут.

Он бы щипал травку, а вы все уселись бы в тени прекрасного старого дерева и составляли бы общую живую семью с вашим живым другом. Вам бы не нужно было распускать ядовитый дым вокруг себя и травить им все живое, пачкаться механикой, менять шины, наливать бензин, масло. Вы бы подвели своего коня к речке, напоили бы его, а в жаркий день выкупались бы вместе с ним и чувствовали бы общую с ним радость. В общем еще много можно наговорить, но Бог с ним.

Добавлю только, что русская интеллигенция всегда была настроена и воспитана в уважении к науке и технике. Для нее поэтому все созданное наукой священно. Но наука, и механика, и техника всякого рода завела весь современный мир в петлю, выбраться из которой помогло бы только возвращение назад. Это однако немыслимо благодаря той же самой науке. К нашему счастью петля затягивается довольно медленно, но все же чувствительно.

Тупик, в который попало человечество, заставляет его надеяться на науку, которая, мол, выводила до сей поры и выведет еще. Но это заставляет делать рискованные вещи вроде ядерных станций и еще почище. Без риска нельзя теперь обойтись, никак нельзя! Не есть ли это результат гонки за хорошей жизнью, за комфортом? Попробуйте заставить людей жить по средствам возможности. Никто не захочет отказаться от благ, во имя спасения. Всё кончается между тем, запасы уничтожаются. Даже воздух уничтожается в количестве угрожающем. А так в общем все хорошо, потянул кнопку и поехал, не понимая, что это противоестественно и что за эту противоестественность природа отомстит, как она всегда мстит за всякое проявление неуважения к себе и нарушение ее законов.

Почему я все это говорю? Не знаю, знаю только, что меня заставляет нечто. Помните как у Гоголя, когда кузнец Вакула рисовал черта, он рисовал несмотря на то, что черт бросал на картину всякую нечисть и дрянь. На меня тоже сыплется всякий сор и мешает мне писать, когда я пробую выяснить замысел диавола в том, что творится теперь в мире. Каждый стих мне достается тяжким трудом, потому что вокруг моей работы слышу диавольский шепот, направляющий меня не в то место, куда хочу прийти. Каждая улика, приоткрывающая занавес, достается мне долгим опытом духовным, в котором я постоянно живу. Не так уж просто идти против течения. Дорого бы я дал, чтобы не видеть, но к несчастью вижу то, чего не следует.

С чувством дружбы А. Величковский".

Забавно, что на сборнике "О постороннем" (1979), присланном мне с милой надписью "Татьяне Павловне Фесенко с симпатией и дружелюбием", Анатолий Евгеньевич счел нужным приписать в самом низу титульной страницы: "За автомобиль простите".

Но далеко не всегда А. Величковский должен был прибегать к длинным письмам, чтоб выразить свои мысли. Войдя в русскую зарубежную поэзию довольно поздно, только после Второй мировой войны, он в своих стихотворениях добивался большой художественной выразительности, что помогло ему быстро занять видное место среди поэтов-эмигрантов. Трудно было сказать более сжато и с большей экспрессивностью о своих товарищах по оружию, чем он сделал в "Сверстниках":

В шестнадцать лет румяные,
Безусые и пьяные -
От счастья пасть в бою
За родину свою,
Они владеть винтовкою
Учились в конском топоте,
А боевой сноровкою -
Кто выживал - на опыте.
Их кости трактор распахал,
Перемешал, переломал.

Поэзия Величковского чужда риторике и пафоса. Своими "простыми фразами", вводящими в стихи самые обыденные вещи, он добивается глубокого воздействия на читателя:

Забытая в углу конюшни
Весною пыльная метла,
Веленью дивному послушна
Раскрыла почки, расцвела.
Упорство этого цветенья,
Цветенья веток без корней,
Похоже на стихотворенья,
Лишенных родины своей.

В посмертном сборнике, заботливо изданном проф. Ренэ Герра к годовщине смерти поэта, собраны стихи последних лет Анатолия Величковского, с интересным предисловием проф. Ю. П. Иваска и содержательным послесловием самого издателя.

Многие из этих стихотворений помечены ноябрем 1980 года и созданы совсем незадолго до смерти, последовавшей 2 января 1981 года. В тонкой книжечке собрано немало глубоких

по содержанию, иногда приправленных грустной иронией, стихов, но, пожалуй, самым сильным является стихотворение, заключающее сборник, последнее из написанных поэтом, когда Величковский уже сознавал, что "В моих глубинах меркнет тоже / Моей звезды прощальный свет". И в нем поэт, за сорок лет до этого горестно восклицавший:

Россия, как мне жить на свете?
Россия, вечная любовь!

возвращается последним напряжением творческой мысли к родной стране, чтоб с шемящей простотой и трезвостью написать незабываемые строки:

Моей России больше нет.
Россия может только сниться,
Как благотворный тихий свет,
Который перестал струиться.
Советским людям будет жаль
Навек исчезнувшего света,
Россия станет как Грааль...
Иль Атлантида для поэта...

ВЕЛИЧКОВСКИЙ Анатолий Евгеньевич (1(14).XII.1901, Варшава - 2.I.1981, Париж) - поэт, прозаик. Детство провел в Елисаветграде, в семье отца, преподавателя юнкерского уч-ща. В 1918 вступил в Добровольч. армию. Оказавшись в Польше, был управляющим имением у польской графини. Затем переехал во Францию, где работал на металлург. заводе, ночным шофером. Во время войны перебрался в Париж. Первая публ. стихов В. состоялась в антологии поэзии рус. зарубежья "Эстафета" (Париж, 1948). С тех пор стихи В. печатались в "Возрождении", "Новом журнале", "Русской мысли". Первый поэтич. сб. В. "Лицом к лицу" увидел свет в парижском изд-ве "Рифма" в 1952. В стихах В. картины природы чередовались с грустными настроениями автора: "Я люблю, когда в окошке вьются / Хлопья снега - чем они белей, / Больше чем и чем быстрее несутся, / На душе тем чище и светлей. / Что мне в них? Быть может, не из тучи, / Но из рая белый этот рой? / Нет, они на языке могучем / Русской крови говорят со мной" (с. 40). Высоко отозвался об этом сб. Ю.Иваск (Опыты. - 1953. - Кн. 1. - С. 198-199).

Кроме стих. В. публиковал и рассказы - миниатюры с восп. о России, уделяя много внимания природе и сельской жизни. В 1972 в Париже увидел свет его ром.-сатира "Богатый" - протест против наступления техники и цивилизации, гимн патриарх. деревенской жизни в гармонии с окружающим миром. В 1974 в Париже был издан новый сб. стихов В. "С бору но сосенке", содержащий те же темы и настроения. "От большой дороги века вдаль" - этими словами хочется говорить о только что вышедшем сборнике Анатолия Величковского "С беру по сосенке". Величковскому нет дела до современности, до ее, все иссушающего дыхания. Он еще живет в вечно прекрасном мире "пожелтевших кленов", звезд, цветов, зверей... "Чужое время" - эти слова были бы лучшим названием для стихов, родившихся и просиявших именно наперекор "чужому времени", - так откликнулась на этот сб. Е.Таубер (НЖ. - 1975. - № 115. - С. 299). "Не думаю, что название новой книги "С бору но сосенке" выбрано поэтом удачно. В ней как раз нет никакого эклектизма, нахватанного отовсюду. Наоборот, поэзия А.Величковского по напеву своему, по сюжетам и по настроению предстает перед читателем в виде цельной, композиционной, стройной. Он прежде всего лирик. Природа, личные его переживания, ассоциации и воспоминания, люди, животные - все согрето у него нежным лиризмом", - писал Ю.Терапиано. (Терапиано. - С. 275). В кон. книги В. поместил факсимиле автографов двух своих стих. с отзывом И. А. Бунина: "Мой дорогой поэт, тут, во всех стихотворениях, много

хорошего, настоящего. Дай Бог здоровья и пристальной (а не "тяп-ляп") работы. Сердечно жму Вашу руку. Ив. Бунин. 11/3 1949".

В 1979 увидела свет третья кн. стихов В. "0 постороннем". Четвертого сб. поэт уже не дождался. Он вышел в Париже в 1981 после смерти поэта под назв. "Нерукотворный свет". В предисл. Ю.Иваск писал:

"Высокая поэзия. Какое здесь слышится царственное провозглашение, какое торжественное свидетельство истины, открывшейся поэту. Это лирическое чудо" (с. 6). "До самого последнего времени я знал Анатолия Величковского, как поэта тютчевской линии, как противника всепожирающего прогресса, как человека, причастного мирам иным, неверующего, но плачущего сердцем о своем неверии", - вспоминал В.Перелешин (НЖ. - 1981. - № 144. - С. 140).

Изд.: Баллада // В. - 1956. - № 15. Булонский лес // НЖ. - 1957. - № 50. Сон // НЖ. - 1965. - № 81. Мечта // НЖ. - 1969. - №. 96.

Лит.: Галицкий Н. Рец.: "Богатый" , // Современник. - 1974. - № 26/27.

В.В.Леонидов